

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-6-55

УДК 26, 124.5, 128, 130.2, 174, 304.2, 377, 392

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Козлова Е.Г.

В данной статье идет речь о самоопределении человека через его деятельность, труд, профессию. Считается, что религия первой дала ответ на вопрос об идентичности человека и смысле его жизни. Человек есть творение Божье и его предназначением становится прославление Творца в созидательном труде. Человек находил свое спасение в труде и молитве. Религиозная этика устанавливала собственные правила относительно угодных и запрещенных профессий, регламентировала трудовые отношения. Бесплезная трата времени считалась грехом, религиозные тексты призывали к труду. Исследуя религиозные традиции, М. Вебер обнаружил, что «дух» предпринимательства, капитализма, профессиональной дисциплины, аскезы можно найти, прежде всего, в религиозных меньшинствах. Он находит, что в некоторых языках слово «профессия» также имеет значение божественного предопределения – «призвания», данного человеку Богом, что приводит к новому типу аскезы – через труд и служение своему призванию, например, в протестантской этике.

Ключевые слова: религиозная этика; протестантская этика; идентичность личности; профессиональная идентичность; профессиональная аскеза.

RELIGIOUS ETHICS AS THE BASIS OF FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF THE PERSON

Kozlova E.G.

In this article refers to the self-identity of the person through his work, profession. We can say that religion the first gave answer to the question about the identity of the person and the meaning of his life. Man is a creature of God and his purpose becomes the glorification of the Creator in the creative work. Man can find his salvation in work and pray. Religious

Ethics establish its own rules regarding acceptable and prohibited professions regulated the labor relations. Time-wasting is considered a sin, religious texts called for work. Exploring religious traditions M. Weber found that the «spirit» of entrepreneurship, capitalism, professional discipline, austerity can be found primarily in the religious minorities. He finds that in some languages the word «profession» is also set to divine predestination – «calling», which leads to a new type of asceticism – through work and service of his calling, for example, in the Protestant ethic.

Keywords: *religious ethics; Protestant ethic; personal identity; professional identity; professional austerity.*

Считается, что религия первой дала ответ на вопрос об идентичности человека, и ответ этот звучал таким образом: человек был создан Богом по образу и подобию своему. В определенный исторический момент в парадигме Традиции происходит фундаментальный разрыв, связанный с откровением Торы, с иудаизмом. На место представления о мире и о человеке как прямом проявлении Первоначала, свойственному мифологическому сознанию, приходит креационизм, то есть представление о мире и о самом себе как о продуктах творческого акта Божества. И с помощью этого творения возникает нечто отличное от природы самого Божества.

«В иудейской теологии утверждается фундаментальное онтологическое различие между Богом и миром. Соответственно, мир становится не проявлением, не манифестацией, а креацией, творением Божества» [4, с. 119]. Так складывается новое представление о человеке. Теперь этот «человек сотворенный», «homo creates», человек монотеизма. Этот человек уже жестко не является Богом, он обладает совершенно новыми качествами: он персть («грязь»), сотворенная божественной силой извне. В той степени, в которой он сотворен, тварен, он и не является Богом. Человек впервые получает жесткие ограничения, ему говорится: «Ты не просто «персона» («маска»), которая под собой может скрывать неизвестно что... Теперь больше того, что ты есть, тебе не достичь. Ты никогда не сможешь стать Богом, потому что ты – тварь» [4, с. 120].

Человек теперь выделен в особую категорию: именно с ним, а не с животными, горами или реками, Бог заключает Завет. Прежде ничто не мешало проявиться Божеству через какое угодно существо – человеческое или нет. Человек становится уникальным лицом, которое вступает в договорные отношения с трансцендентным Божеством-Творцом. Творец заключает с человеком пакт, и только человек выносятся из всеобщей тьмы вещей, отвечая за себя и за

окружающий мир перед своим Создателем. «Что я без Тебя, как не вожак себе в пропасть? Что я такое, когда мне хорошо, как не младенец, сосущий молоко Твое и питающийся Тобой – пищей, пребывающей вовек» [1, с. 49].

В рамках этой парадигмы рождается моральная личность. На основе трудов психологов, философов, богословов и текстов Библии были выделены конкретные черты и качества человека, помогающие ему достигнуть главной цели христианской жизни – духовного преображения личности. В христианстве человек – это созданная по образу и подобию Бога личность, персона, являющаяся иконой Творца (греч. *eikon* означает «образ»). Подлинным образцом развития становится истинный опыт подражания Христу. В самом широком смысле христианский идеал личности представлен образом Богочеловека Иисуса Христа, на основе которого христианин старается развивать в себе свойства, приближающие его к Богу и уподобляющие его Ему. К ним относятся любовь и милосердие, смиренномудрие и кротость, верность и послушание. Для каждого верующего в этой традиции Христос является Истиной, Путем и Жизнью, Образцом для подражания. Жития святых дают примеры осуществления христианского идеала в практической жизни самых разных людей. В христианском сознании святые люди – это не просто добрые, милосердные, терпеливые, благочестивые, а сопричастные Христу. Чтобы стать подобием Бога, человеку нужно подражать смирению, кротости Христа, полноте Его самозабвения в служении близким, соучаствовать в Христовых скорбях и страданиях, а также исполнять Его заповеди. Человек есть образ личного Бога. Восхождение человека к богоподобию становится одной из целей христианской жизни.

В 1351 г. Поместный собор Византийской Церкви принимает догмат о Божественных энергиях: он утверждает, что человеку, тварной природе возможно соединение с Богом по энергии и невозможно соединение по сущности [6, с. 26]. В рамках христианской парадигмы восхождение человека к Богу понимается как путь обретения собственной личности и последующего обожествления и духовного преображения его души, ума и тела. Обожествление представляет собой высшее духовное состояние, к которому призван человек и которого он может достичь. Христианские богословы считают, что это духовное состояние есть результат соединения души человека с Божественной энергией – благодатью. О ее наличии у человека можно судить по ряду признаков. Действие благодати проявляется в виде особого света, созерцание которого является составной частью духовного преображения человека, а также радости, утешения, спокойствия, любви, доброты, твердости, постоянства, душевной гармонии. Эти состояния не зависят от социальных, культурных, экологических, физических факторов. Противоположное

состояние проявляется в раздражении, неуступчивости, агрессивности, жестокости, страстности, унынии, внутренней неустойчивости.

Пребывание на земле – это возможность прославить Господа и обрести вечную блаженную жизнь на небесах. Поэтому каждый христианин стремился и в своей деятельности и труде следовать слову Божьему. Выбирая свой путь, прежде всего, люди заботились о благословении Отца в делах. Отношение к труду в Библии прописано в одной из заповедей: «шесть дней работай и делай всякие дела свои, а седьмой есть день отдохновения, который посвяти Господу Богу твоему». В течение шести дней творил Господь мир, а в седьмой почил от дел Своих. И также человеку полезно трудиться, а после трудов полезно отдыхать. Полезно трудиться, потому что Бог благословил труд, полезно отдыхать, потому что Бог благословил отдых после трудов.

Рассматривать труд должно как соработничество Богу, так как человек – это творение Божье, и поэтому в своих делах также должен сотворять, а не разрушать. Но при этом не накапливать сотворенное, и не собирать сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирать себе сокровища на небе. Лучшим наследством для детей стало бы научение труду, и привычка трудиться, а не богатство, которое делает ленивым тело и развращает душу. В седьмой же день следует отдыхать: думать, говорить, читать, слушать о Боге и молиться Богу.

В Евангелие от Матфея так сказано о труде и заботе о вещах насущных: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их <...> Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» [5].

Августин Аврелий в своей исповеди признается, как долог был путь его к Господу, как много времени он потратил на праздность и науку, но все это было не истинным, поскольку не несло службы Богу. «И какая польза была для меня, что я, в то время негодный раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, относившиеся к так называемым свободным искусствам, какие только мог прочесть?<...> – Твои дары, но не тебе приносил я их в жертву. Они были мне не на пользу, а скорее на гибель, потому что я жадно стремился овладеть доброй долей имущества своего, но не сохранил для Тебя своих сил, а ушел от Тебя прочь, в дальнюю страну, чтобы расточить всё на блудные страсти. Какая польза мне была от хорошего, если я не умел им хорошо пользоваться?» [1, с. 49]

Таким образом, человек теперь тварен и ничтожен, но может быть спасен через труд и молитву. Таково традиционное сознание, которое формировалось на протяжении многих веков, начиная с возникновения иудейской религии, активно развивалось в средние века, когда весь мир становится не проявлением, не манифестацией, а креацией, творением Божества. Человек сотворенный из ничто (*ex nihilo*) здесь выделен в особую категорию, и имеет особые отношения с Творцом, отвечая за себя и за окружающий мир перед своим Создателем. Все, что делает человек, должно получить благословение и быть угодным Богу.

В средние века люди научились точно измерять время и в тот же момент научились ценить его. Время отмерялось колокольным звоном с церковной башни, и оповещало о начале рабочего дня и о его завершении, а также о праздниках и основных событиях в окрестностях. Бесплезная трата времени становится тяжким грехом, духовным позором – потерянное время равноценно потерянному евангельскому таланту, время – это уже деньги.

В конце IX века общество описывается через его деление на три категории, или сословия: служители церкви, воины, работники. Первым средневековым текстом, в котором определенно звучит тема общества, разделенного на три части, является отрывок из перевода на англосаксонский трактата Боэция «Об утешении философией», сделанного королем Альфредом Великим в последней четверти IX века. Знаменательно, что этот отрывок является собственным дополнением Альфреда к тексту Боэция. В нем речь идет о портрете идеального короля, а три сословия, выделенные в отдельные категории, являются необходимыми материалами для достижения цели монархии, для создания государства великодержавного. Эти три категории имеют конкретные ценности для общества – духовные, военные и экономические.

Идентифицировать работников в одну экономическую категорию довольно сложно. Основной интерес, который работники представляли для государства – это труд во благо экономического развития. Поэтому далеко не все рабочие профессии относились к этому третьему благословенному сословию. Многие профессии даже, напротив, осуждались и запрещались по разным причинам. Одни промыслы осуждались безоговорочно: ростовщичество, проституция; другие – лишь в определенных случаях, в зависимости от обстоятельств – торговля с целью наживы и работа по воскресеньям. «Попытавшись составить исчерпывающий список, нам пришлось бы перечислить едва ли не все средневековые профессии, так как обвинения варьируются в зависимости от документа, региона, эпохи... трактирщики, мясники, жонглеры, комедианты, маги, алхимики, врачи, хирурги, солдаты, сутенеры, проститутки, нотариусы, купцы, ... таможенники, менялы, портные, парфюмеры, торговцы требухой, мельники и так далее» [3, с. 64]. Причины запретов таились также в присутствующем мифологическом

сознании, и страхе перед кровью (для хирургов, мясников, аптекарей и других), грязью (для красильщиков и поваров и прачек). Также осуждались профессии, занятие которыми приводило к грехопадению. Чревоугодие, например, было поводом для неодобрения трактирщиков, пекарей и кондитеров. Порицанию подвергались содержатели таверн, в чьих заведениях всегда присутствовали греховные вино, игры и танцы. Крестьянство в средние века, конечно, не было под запретом, но в то же время не относилось к сословию рабочих. Крестьяне становились чаще проблемой для государства, поскольку исповедовали язычество и не хотели принимать христианскую веру. При этом они были необразованны и не стремились к улучшению своего положения.

Запреты на профессии постоянно пересматривались. В XI-XIII веках на христианском Западе происходит экономическая и социальная революция, которая приводит к стремительному росту городов, и вместе с тем развитию производства и разделению труда. Рождаются и развиваются новые профессии, появляются и заслуживают полноправное место в социальной структуре новые профессиональные категории; новые социально-профессиональные классы разрастаются, приобретают силу и значимость, завоевывают престиж, соответствующий их силе. Они добиваются того, чтобы их уважали и с ними считались. В это время значительно уменьшается количество запрещенных профессий. Причины неуважения к труду постепенно переосмысливаются. Хотя остается неизменным убеждение: человек создан по образу и подобию Божьему и должен в своей деятельности уподобиться ему. Труд Божий – это Творение. Значит, человек своим трудом должен создавать что-либо. Профессия, ничего не создающая, является дурной или низкой. Необходимо создавать урожай, как крестьянин, или, по крайней мере, превращать сырье в изделие, как это делает ремесленник. Купец вызывает неодобрение за то, что он ничего не создает. Такова основная ментальная структура христианского общества, вскормленная теологией и моралью, получившими свой расцвет в докапиталистическом строе.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер исследует проблему соответствия профессиональным устремлениям в обществе в зависимости от религиозных течений. «Дух» предпринимательства, капитализма, профессиональной дисциплины, аскезы М. Вебер обнаруживает, прежде всего, в религиозных меньшинствах. Изолированные добровольно или насильно от общественной и политической деятельности, они вынуждены реализовывать себя через труд, концентрировать свои усилия в предпринимательстве. «Этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе. Так обстояло дело с поляками в России

и Восточной Пруссии, где они, несомненно, шли по пути экономического прогресса (в отличие от поляков Галиции, стоявших у власти), так же – с гугенотами во Франции Людовика XIV, с нонконформистами и квакерами в Англии и – с евреями на протяжении двух тысячелетий» [2, с. 64].

На территории христианской средневековой Европы возникло несколько направлений, в которых развивалось христианство. М. Вебер выделяет среди них католиков и протестантов. Один современный Веберу писатель счел возможным сформулировать противоположность обоих вероисповеданий так, как она проявилась в их отношении к предпринимательской деятельности, следующим образом: «Католик – спокойнее; наделенный значительно более слабой склонностью к приобретательству, он предпочитает устойчивое обеспеченное существование, пусть с меньшим доходом, рискованной, тревожной жизни, подчас открывающей путь к почестям и богатству. Народная мудрость гласит: либо хорошо есть, либо спокойно спать. В данном случае протестант склонен хорошо есть, тогда, как католик предпочитает спокойно спать» [7, р. 68].

В работе Макса Вебера используется слово «дух», – именно потому, что возникший феномен формирования общества, в котором профессия, труд и капиталистическая деятельность становятся на первое место, – имеет религиозную окраску. «Дух трудовой деятельности», «прогресса» обычно приписывают протестантам, растворившим свою веру в мирском предпринимательстве и материалистической «радости жизни». Карл Маркс считал, что протестантизм возник в 16 веке как новая, специфически «буржуазная разновидность» христианства – в противоположность средневековому, феодальному в своей основе, католицизму.

Этот «дух» капитализма лучшим своим описанием имеет работу, написанную Бенджамин Франклином: документ этот абсолютно свободен от религии, но он отражает суть и нравы протестантской этики. Изучая внимательно этот документ, мы обнаружим свод правил поведения добропорядочного христианина, однако, все нравственные правила Франклина имеют утилитарное оправдание: честность полезна, ибо она приносит кредит доверия и вместе с ним деньги, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. Можно заключить, что если видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность – ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина переизбыток добродетели – лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения.

На вопрос, почему же из людей следует «делать деньги», Бенджамин Франклин – человек без какой-либо конфессиональной направленности – в своей автобиографии отвечает библей-

ским изречением, которое он в молодости постоянно слышал от своего отца, строгого кальвиниста: «Видел ли ты человека, проверенного в своем деле? Он будет стоять пред царями» [2, с. 75]. Так появляется своеобразный идеал этой «философии скупости»: кредитоспособный добропорядочный человек, считающий своим долгом приумножение капитала.

Работа Бенджамина Франклина не является религиозным текстом. Даже там, где католическая доктрина видоизменялась, чувство того, что жизнь ради наживы как самоцели – это нечто пошлое, с чем можно лишь мириться как с некоторой данностью жизненного уклада – никогда не покидало религиозные учения. Каким же образом эта деятельность, которую в лучшем случае признавали этически допустимой в средневековой Европе, могла превратиться в «призвание» в понимании Бенджамина Франклина? Макс Вебер так отвечает на этот вопрос: развитие «капиталистического духа» в протестантской среде объясняется общим развитием рационализма, и принципиально новым подходом к вопросам бытия. Историческое значение протестантизма сводится к тому, что он сыграл значительную роль в качестве «предтечи» рационалистического мировоззрения.

Интересное наблюдение, высказанное Вебером, касается также самого понятия «профессия», используемого в разных языках. В немецком «Beruf», и возможно, даже в большей степени в английском «calling» присутствует божественное предопределение – «призвание», данное человеку Богом. У народов, тяготеющих к католицизму, как правило, в языке нет подобного понятия, определяющего жизненное положение и сферы деятельности, в то время как в протестантской группе это понятие существует у всех народов.

«В этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Неизбежным следствием этого были представление о религиозном значении мирского будничного труда и создание понятия «Beruf» в вышеуказанном смысле. Следовательно, в понятии «Beruf» находит свое выражение тот центральный догмат всех протестантских исповеданий, который отвергает католическое разделение нравственных заветов христианства на заповеди и советы, – догмат, который единственным средством стать угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его «призванием» [2, с. 97].

Впоследствии идея профессионального долга как проявления земного служения Богу развивалась в протестантской среде. Преобразование социального мира становится деятельностью угодной Богу и направленной на преумножение славы Его. Таким образом, снимается во-

прос о смысле земной жизни и необходимости мироздания. И теперь средством для обретения внутренней уверенности в спасении души рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. В профессиональной деятельности находят освобождение от гнетущего чувства собственной моральной неполноценности и порожденного ею. Профессиональная аскеза – это средство, измышленное для того, чтобы не думать о своем нравственном ничтожестве. «Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве» [2, с. 152].

Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым, наслаждение богатством и вытекающие из этого последствия – бездействие и плотские утехи – и прежде всего ослабление стремления к «святой жизни». И только потому, что собственность влечет за собой эту опасность бездействия и успокоенности, она вызывает сомнения. Не бездействие и наслаждение, а лишь деятельность служит приумножению славы Господней. Следовательно, главным и самым тяжелым грехом является бесполезная трата времени. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для «подтверждения» своего призвания. Здесь еще не вошло в употребление изречение «время – деньги», которое нашло себе место в трактате Бенджамина Франклина, однако в духовном смысле эта идея в значительной степени утвердилась: время безгранично дорого, ибо каждый потерянный час труда отнят у Бога, не отдан приумножению славы Его.

Протестантское учение высказывается в пользу сочетания нескольких «призваний» при условии, что это будет способствовать общему и собственному благу и никому не принесет вреда. Они также не подвергают осуждению случаи перемены профессии, если только это не совершается легкомысленно и происходит из желания заняться полезной, более угодной Богу деятельностью. Полезность профессии и, следовательно, ее угодность Богу в первую очередь определяются с нравственной точки зрения, затем степенью важности, которую производимые в ее рамках блага имеют для «всего общества»; однако в качестве наиболее важного критерия выступает ее «доходность». Желание быть бедным было бы равносильно желанию быть богатым, и достойно порицания. Что же касается нищенствования, которому предается человек, способный работать, то это не только грех бездеятельности, но и нарушение завета любить ближнего своего.

В религиозных меньшинствах во времена Реформации появился новый тип аскезы – через труд и служение своему призванию. В традиционном христианском понимании это скорее означало, что каждый христианин должен быть монахом по своим нравственным убеждениям, однако позднее появилась идея о подтверждении своей веры через профессиональную деятель-

ность. Выполнение своей профессионального призвания рассматривается как духовная задача и основа религиозной жизни, выполнять которую следует покорно, с аскетическим усердием. По мнению М. Вебера, один из основополагающих компонентов сегодняшнего капиталистического духа, которым проникнута современная культура – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возник из духа христианской аскезы.

Список литературы

1. Августин А. Исповедь. – М.: RENAISSANCE, 1991.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гофф, Жак Ле. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Перев. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева. – 2-е изд., испр. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002.
4. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / Издательство: «Евразийское движение», 2009.
5. Евангелие от Матфея 6: 25-34.
6. Хоружий С. О старом и новом. – СПб.: Алетейя, 2000.
7. Offenbacher M. Op. cit. P. 68.

References

1. Augustine A. Ispoved'[Confession]. – Moskow: RENAISSANCE, 1991.
2. Weber Max. Protestanskaya etika i duh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism.] Izbrannye proizvedeniya: Transl. From German / U.N. Davidova; P.P. Gaydenko. – Moscow: Progress, 1990. 808 p.
3. Goff, Jacques Le. Drugoe srednevekov'e: vremya, trud i kultura Zapada [Other Middle Ages: Time, labor and culture of the West] / Transl. from French. S.V. Chistyakova and N.V. Shevchenko. Ed. V.A. Babinceva. – Yekaterinburg: «Ural», 2002.
4. Dugin A. Postfilosofiya. Tri paradigmi v istorii misli [Postphilosophy. Three paradigms in the history of thought] / Publisher: «Evraziyskoe dvizhenie», 2009.
5. Matthew 6: 25-34.

6. Horuzhiy S. O starom I novom [On the old and the new]. – St.Petersburg: Alteya, 2000.
7. Offenbacher M. Op. cit. P. 68.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Козлова Елена Геннадьевна, соискатель ученой степени кандидата культурологических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
for_elenko@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kozlova Elena Gennadevna, competitor degree of candidate of cultural sciences

*St. Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia
for_elenko@mail.ru*